

ВОСПРИЯТИЕ АРХИТЕКТОНИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПЕРВЫХ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ СОЗНАНИИ

Нендза-Щикониовска К.С.

научный руководитель д-р филол. наук Дудек А.

Ягеллонский университет, Краков (Польша)

Современное польское отношение к архитектуре сталинского периода нельзя отделить от исторического и идеологического контекстов их возникновения. Убеждение коммунистических властей в том, что "бытие определяет сознание" поощряло принимать меры по формированию хабитуса и связанных с ним форм окружающей среды, чтоб таким образом добиться создания нового советского человека. Архитектура должна была тоже стать достойным фоном для советской власти, выражая ее социальные и идеологические взгляды. После Второй мировой войны такая трактовка антропологических и идеологических функций архитектуры распространилась и на новые страны социалистического блока, в том числе и Польшу (в то время: Польскую Народную Республику, ПНР). На новых территориях политическая функция архитектуры была не менее важна, чем ее идеологическая составляющая – архитектура стала своеобразным межевым знаком расширившейся территории социализма.

Эпоха социализма закончилась, возникли новые социальные и политические обстоятельства. Но осталась архитектура — видимый след прошлого. Сооружения времен социализма судя по их распространению и масштабу до сих пор определяют характер польских городов. Не смотря на то, что уже более 20 лет прошло с того момента, как Польша обрела вновь независимость, всё таки ещё не завершилась в польском обществе дискуссия о «нежелательном наследии».

Исследуя это явление, прежде всего надо обратить внимание на проблемы с определением границ термина «социалистическое наследие». Не вся архитектура созданная в эпоху Польской Народной Республики в польском обществе напрямую ассоциируется с социализмом. Далеко не все воспринимается негативно, как нечто чужое — прежде всего это касается реконструкции городов, разрушенных во время Второй мировой войны. Но даже в случае Дворца культуры и науки в Варшаве — здания, являющегося как эстетическим, так и идеологическим эталоном социалистической эпохи — наблюдаем интереснейшее явление возрастания вокруг него новых, уже постсоциалистических смыслов.

Реконструкции разрушенных городов и идеология

Вторая мировая война привела к разрушению множества европейских городов. После неё начался не имеющий прецедента процесс восстановления утраченных городских пространств. Преобладал принцип реконструкции важнейших памятников архитектуры и культуры, с установкой сохранить исторически сформированное урбанистическое начертание. Таким образом, прогуливаясь сегодня по центру разрушенного во время бомбежек Нюрнберга, ощущаешь специфическую средневековую среду улочек, то спускающихся к реке, то поднимающихся к кесаревому замку. Это ощущение не может испортить никакое своевольно слишком высокое или широкое строение — все здания заново выстроенные не копируют оригиналы, а лишь берегут память о прошлом. Только время от времени перед нашими глазами показывается историческая реконструкция особо важного объекта — не только композиционно, но и архитектурно сохраняющая прошлое города.

Большинство польских городов восстанавливалось по тому же принципу.

Центры особо важных городов, однако, решили восстановить полностью. Восстановление не только ценных памятников, но всего довоенного облика города — это наделенное выразительными символическими смыслами деяние, прежде всего ассоциирующееся с польской столицей — Варшавой. Город разрушен был не просто в результате военных действий а в последствии запланированного и сознательно изданного приказа высших немецких властей (Г. Гимmlера)¹. Это был жест насилия, напоминающий действие римских захватчиков Карфагена, намеревающихся уничтожить гордость, память и самосознание завоеванного народа — наказать город, осмелившийся сопротивляться насильнику.

Однако, решение восстановления довоенного облика Варшавы вовсе не было очевидным — далеко не все были согласны с этим подходом. Часть новой, уже советской власти — и часть среды архитекторов — чуть ли не с радостным волнением думали об историческом шансе построить заново идеальный, социалистический город, не обремененный ошибками прошлого.

Факт, что мы имеем сегодня варшавскую «Старувку» (старый город) в большой степени результат личных эстетических вкусов Болеслава Берута — человека олицетворявшего самый жестокий период сталинских репрессий в истории ПНР². Однако, в Польше не ассоциируются здания, реконструированные в тот период, с политическим режимом, который решал, что и как восстанавливать.

А ведь все эти решения тоже были мотивированы идеологически³. Восстановление Варшавы должно было укрепить позицию новой власти в обществе. Сторонники Москвы являлись до войны второстепенной силой, большинством населения считались чужими, навязанной властью. Жест восстановления исторического облика столицы должен был прибавить «рабочей партии» сторонников — служил в качестве фактора, легитимизирующего снизу власть навязанную извне.

Интереснейшие примеры послевоенной реконструкции касаются городов, в которых до войны преобладали немцы. Выселенные, должны были сделать место для польского населения (в свою очередь выселенному из своих, многонациональных городов, которые сейчас стали украинскими, белорусскими или литовскими). И так, восстановление городов имело, прежде всего, идеологический смысл. Новая власть стремилась заново написать историю посленемецких городов. Подчёркивалось их славянские, «пястовские» корни, замалчивая те периоды истории города, в которые облик создавали, прежде всего, немцы (пример Вроцлава — Бреслау). Однако этот процесс наблюдаем также в городах входивших до войны в состав Польши, которые обладали памятью немецких репрессий со времён разделов Польши в XIX веке. Так например восстановлен был знаменитый кафедральный собор в Познани, однако не в стиле классицизма, в котором встретил он войну. Несмотря на то, что первоначальный облик храма не был вполне известен, было принято решение все-таки «вернуть» храму его готическую форму — а на самом деле построить его заново. Готический стиль ассоциировался с лучшим, пиастовским периодом собора и города. Подобным образом Старый Рынок в Познани восстановлено в виде из XVIII века, убирая немецкие наслоения⁴.

Во всех этих действиях новая власть стремилась завоевать доверие и поддержку польского народа. Действия коммунистической власти, связанные с реконструкцией

¹ S. Kopf: *Wyrok na miasto. Warszawskie Termopile 1944–1945*, Варшава 2001.

² W. Włodarczyk, *Socrealizm. Sztuka polska w latach 1950-1954*, Краков 1991, с. 99.

³ P. Majewski, *Ideologia i konserwacja. Architektura zabytkowa w Polsce w czasach socrealizmu*, Варшава 2009.

⁴ G. Klause, *Wybrane problemy ochrony zabytków początku XX wieku i odbudowa Poznania po II wojnie światowej*, [В:] *Architektura i urbanistyka Poznania w XX wieku*, ред. Т. Jakimowicz, Познань 2005.

городов и исторических памятников встречались с одобрением польского населения. И поэтому, сегодня большинство поляков не признаёт их чуждым, не связывает их с коммунистической властью и не осознаёт их идеологического подтекста. Не осознаётся и то, что дома Старого города в Варшаве или столичный кафедральный собор на самом деле не были созданы 600 а только 60 лет назад — в тот же период и той же самой коммунистической властью, что и сталинский Дворец культуры и науки.

Дворец культуры и науки в Варшаве

Та же самая власть, которая решила восстановить варшавский Старый город, в то же самое время строила и другой объект, по облику и по смыслу абсолютно не совпадающий с результатами реконструкции — Дворец культуры и науки. И хотя официальная версия представляла его как «бескорыстный подарок народов СССР», то польское общество воспринимало эту постройку не как жест дружбы, а как акт символического насилия, не как помощь Варшаве, а как издевательство над ее историческим пространством. И если реконструкция исторической Варшавы считалась знаком воскрешения города из пепла, то Дворец сразу же стал символом повторного покорения недавно освобождённого города. В складывавшейся парадигме восприятия нового сооружения символическими покорителями Варшавы стали ее освободители.

Постройка гигантского, вертикального и эстетически тяготеющего к Москве здания связана была с семиотикой захвата пространства. Корни этого явления уходят в XIX век, когда подобный жест сделала царская Империя — в сердце варшавского пространства, архитектурную среду которого создавали невысокие дома и дворцы, решено было воздвигнуть великий собор Александра Невского.

Об идеологических предпосылках построения в центре Варшавы очередной — восьмой — сталинской высоты никто не оспаривает. Спор касается не генезиса Дворца, а его будущего⁵.

Интересным является факт, что если в группе противников Дворца много людей из истеблишмента, то среди обычных жителей, особенно молодых, всё чаще встречается положительное отношение к варшавской высоте. Опросы показывают, что пространство столицы неразрывно ассоциируется именно с Дворцом — даже для противников здания. Дворец лидирует в опросах, как о самом любимом так и самом ненавистном здании в Варшаве, но всегда ярко ассоциируемым со столицей⁶. Растёт число поклонников этой архитектуры, всё чаще характерный силуэт здания используется в поп-культуре, рекламе и СМИ как метонимия города. Грозная история превращается в туристический курьёз. Прошлое приручается.

Противники Дворца объясняют его присутствие в пространстве столицы в постколониальном аспекте. Если это «храм Сталина», построенный в качестве знака расширения советской власти на запад и подчинения себе польского пространства — а с этим никто не спорит — то освобождённая страна должна избавиться от подобного унижительного памятника. Самые яркие высказывания и идеи принадлежат здесь министру Радославу Сикорскому, который предлагал даже уничтожить здание⁷, или режиссеру Анджею Вайде, который поддерживал идею создания в нём музея коммунизма «Socland» (автор архитектурного проекта: Чеслав Белецкий). Последнее

⁵ K. Nędza-Sikoniewska, *Pałac Kultury i Nauki w semiosferze Warszawy 20 lat po upadku ZSRR* [в:] *Rozpad ZSRR i jego konsekwencje dla Europy i Świata, cz. 4, Reinterpretacja po 20. latach*, ред. А. Jach, М. Kuryłowicz, Краков 2013.

⁶ M. Madurowicz, *Miejska przestrzeń tożsamości Warszawy*, Варшава 2007.

⁷ Sikorski: *Zburzmy Pałac Kultury i posadźmy tam trawkę*, [on-line, 10 VI 2011]

http://wiadomosci.gazeta.pl/Wiadomosci/1,80708,7240116,Sikorski_Zburzmy_Palac_Kultury_i_posadźmy_tam_trawkę.html

предложение особенно интересно для исследователя постколониального самосознания. Наблюдаем здесь попытку прекратить процесс приручения Дворца польским обществом, лишить здание значений, не имеющих уже ничего общего с его коммунистическим генезисом. Упрекая коммунистических создателей Дворца в подражании религии (Дворец как «храм Сталина») сами они воспринимают пространство в мистическом и религиозном ракурсах, наподобие описанного Рудольфом Отто (Rudolf Otto) *mysterium tremendum* – страха перед божеством, религиозного ощущения присутствия трансцендентного начала в материальном объекте.

Выводы

Период сталинской архитектуры (соцреализма) длился в Польше только несколько лет (1949-1955) и не повлиял на облик польских городов в такой степени, как позднейшие модернистские жилые массивы — настоящее наследие социализма. Но именно сталинский период вызывает неугасающие споры. Мы наблюдаем здесь интересное явление: в польском сознании всё меньше присутствует генезис того или иного архитектурного решения. Не осознается коммунистическое начало в восстановлённых исторических центрах городов, и что даже более характерно — постепенно приручается самый значимый сталинский символ в Польше: Дворец культуры и науки. Палимпсест города обрывает новыми смыслами, развиваясь не только в пространстве, но и во времени. Споры вокруг социалистической архитектуры не задерживают этого процесса, а наоборот — побуждают интерес к прошлому.